

Н. В. Хисамутдинова¹

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Власть и высшая школа Дальнего Востока в 1918–1930-е гг.

Рассмотрена политика центральной и местных властей в 1918–1930-е гг. по отношению к студенческим коллективам и научно-педагогическим кадрам высших учебных заведений России, в том числе на Дальнем Востоке. Проанализирован процесс установления полного контроля над вузами со стороны государственных и партийных органов, рассмотрены местные особенности пролетаризации вузов, классовых «чисток», репрессий профессорско-преподавательского состава.

Ключевые слова и словосочетания: высшее образование, реформы, пролетаризация, Наркомпрос, российский Дальний Восток, репрессии.

N. V. Khisamutdinova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Authorities and Higher School in the Russian Far East in 1917 – the 1930s

The article reveals the policy of central and regional authorities towards students and professors in the Russian Far East higher schools in the 1917–1930s. The author describes the process of establishing the total state and the Communist party control over the higher school institutions. Among issues analyzed there are proletarianization of the higher education, purges of students and faculty members on the social basis, repressions.

Keywords: higher school, reforming, proletarianization, Public Commissariat of Education, Russian Far East, purges.

После победы Октябрьской революции 1917 г. новые принципы ведения народного хозяйства потребовали существенных изменений в системе высшего профессионального образования. Партия и правительство поставили перед высшей школой задачу готовить пролетарскую интеллигенцию, «красных специалистов», которые стали бы опорой социалистической промышленности. Для этого вузы должны были вооружить студентов не только специальными знаниями, но и пролетарской идеологией. Поскольку на заре советской власти сами вузы этой идеологией не обладали, в основу реформ был положен принцип создания социальной благоприятности: подготовка специалистов из лиц рабоче-крестьянского происхождения и отстранение их от влияния «старых профессоров», работавших до революции. Декретом Совета народных комиссаров (СНК) от 11 декабря 1917 г. все учебные заведения России передавались Народному комиссариату просвещения (Наркомпроса) с задачей преобразовать учебно-воспитательное дело «на началах новой педагогики и социализма».

¹ Хисамутдинова Наталья Владимировна – д-р ист. наук, профессор каф. западноевропейских языков; e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru.

В апреле 1918 г. специальная комиссия начала разработку проекта «Положения о российских университетах», в котором излагались меры по перестройке всей системы российского высшего образования. Предлагалось ввести коллегиальность управления вузом с обязательным участием студентов, сократить сроки, на которые профессора могут избираться на должность, отменить ученые степени. Тем самым преследовалась цель «демократизировать науку, ныне составляющую монополию небольшой кучки дипломированных ученых, тесно связанных своими интересами с буржуазией, из рядов которой они по большей части и вышли» [13. С. 457]. В дискуссии, развернутой по поводу реформы, преобладали голоса ее сторонников: «Прежде одни профессора могли решать участь высшей школы, были полноправными и единственными участниками на Совете профессоров и на факультете... Новая высшая школа должна быть построена на совершенно ином принципе – общего согласия, равенства и дружной совместной работы всех ее участников. В новой высшей школе и профессора и студенты должны быть товарищами в работе» [15. С. 36–37].

Среди профессорско-преподавательского состава коренная ломка принципов революционной высшей школы получила неоднозначную оценку. Большинство профессоров резко выступили против коллегиального управления и упразднения ученых степеней, и проект переработали. Было признано, что избрание профессоров на короткий срок и частые пере выборы не вытекают из интересов подготовки кадров и способны нанести ущерб научной и преподавательской деятельности. Решение об участии студентов в управлении вузами на данном этапе было компромиссным: согласно «Положению об управлении вузами», принятому в начале марта 1921 г. коллегией Наркомпроса, разрешалось представительство студенчества в органах университетского управления с правом решающего голоса во всех вопросах, за исключением избрания профессоров и преподавателей и присуждения ученых степеней. Детализация этого участия отдавалась на откуп местным органам власти.

На Дальнем Востоке к этому времени советская власть еще не была установлена, и реформы затронули местные вузы в незначительной степени. Устав Владивостокского государственного политехнического института, принятый в апреле 1920 г., предоставлял право самим факультетам формировать учебные планы, производить набор студентов, организовывать кафедры. Правда, в состав Совета и хозяйственного комитета вуза Устав вводил «представителей от Правительства или высшей местной общественно-хозяйственной организации» с правом решающего голоса по всем вопросам работы института [3], что вызвало резкую критику тогдашнего ректора П.П. Веймарна. Он счел нужным сделать примечание, что ни он, ни коллеги непричастны к этому нарушению одного из основных элементов автономии вуза, и с сарказмом называл этот факт чисто провинциальным экспериментом.

Одна из важнейших составных частей вузовской реформы, пролетаризация, до Дальнего Востока пока еще не дошла. Декрет СНК «О правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР» (август 1918) и постановление «О преимущественном приеме в вуз представителей пролетариата и беднейшего крестьянства» объявляли высшее образование общедоступным и открывали доступ в вузы всем желающим учиться, в первую очередь, выходцам из рабочих и крестьянских семей, независимо от базовой подготовки и наличия документа об окончании средней школы. Социальное регулирование состава студентов осуществлялось двумя путями: при зачислении на учебу и в ходе «чисток», проводимых в вузе. Кандидатуры всех абитуриентов рассматривались специальными классовыми комиссиями, задачей которых было не допустить в вуз выходцев из дворянства, духовенства, интеллигенции и других нежелательных слоев общества. Ограничить их число позволяло и «социальное обеспечение»: согласно разнарядке студенты рабоче-крестьянского происхождения не только обеспечивались питанием, жильем, одеждой, книгами, но и получали преимущество при пользовании лабораторией, учебным кабинетом и т.д. Вузы имели право производить набор студентов сверх разнарядки, но без всякой гарантии, что для них найдется учебник или место в лаборатории.

Поскольку общеобразовательная подготовка основной части рабоче-крестьянской молодежи была недостаточной, с 1919 г. при вузах стали учреждать рабочие факультеты (рабфаки), на которых молодые люди могли пополнить знания и подготовиться к учебе в вузе. На рабфаки принимались «рабочие и крестьяне, представившие или от фабричного комитета, или от коммунистической ячейки удостоверение о том, что принадлежат к классу рабочих или крестьян, не эксплуатирующих чужого труда, и что состоят на платформе Советской власти» [12].

Пролетаризация касалась не только студентов, но и преподавателей. В Наркомпросе считали, что создание высшей школы нового типа предполагает полное обновление профессуры. По декрету СНК «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений РСФСР» (1918) контингент преподавателей российских вузов следовало обновить. «Правда» писала: «Мы считаем необходимым подбор и оставление научных сотрудников... целиком оставить за партией. Несомненно, это вызовет протест, как со стороны профессуры, так и со стороны известной части буржуазного студенчества. Мы считаем, что в этом вопросе должна быть проявлена твердость» [16. С. 126].

В условиях Гражданской войны и сразу же после нее трудно было надеяться на полноценный обмен преподавательскими кадрами. Процесс беженства, охвативший тысячи людей, затронул, прежде всего, представителей интеллигенции, которые особенно остро воспринимали смену власти. Преподаватели дореволюционной высшей школы, остававшиеся в вузах европейской России, были теми немногими, кто обладал знаниями и педагогическим опытом, поэтому политикой государства стало привлечь их на сторону советской власти, использовать в подготовке красных специалистов и обучении новых научно-педагогических кадров. Вместе с тем, партия опасалась влияния, которое «старые профессора» могли оказать на молодых людей, и всеми мерами старалась снизить его. Если раньше правления вузов избирались профессорами, то по «Положению об управлении вузами» их стал назначать Наркомпрос, а руководителей вузов утверждали партийные органы по согласованию с Главным политическим управлением (с ноября 1923 г. – Объединенное, ОГПУ). В Москве в октябре 1921 г. открыли Институт красной профессуры, где готовили новый тип ученого, «красного профессора», для преподавания исторического материализма, политической экономии, новейшей истории и советского строительства. Благодаря приему в Институт преимущественно коммунистов он сыграл важную роль в обеспечении вузов марксистскими научно-педагогическими кадрами.

Кадровая ситуация на Дальнем Востоке значительно отличалась от общероссийской. Во время Гражданской войны здесь, напротив, создалась повышенная концентрация научно-педагогических сил. В 1921 г. при Министерстве просвещения Дальневосточной республики (ДРВ) создали Ученый совет для разработки основ строительства местной высшей школы. Принятое им «Положение о высшей школе ДВР» было компромиссным: с одной стороны, вузы сохранили относительную автономию, характерную для дореволюционного периода, с другой – следуя установкам советской власти, в вузовский Совет наряду с преподавателями ввели и представителей студентов. В ноябре 1922 г. с установлением на территории ДВР советской власти новая система управления высшей школой распространилась и на Дальний Восток.

За лицами, занятыми научно-педагогической работой, закреплялось название «научные работники». Они делились на профессоров, преподавателей и научных сотрудников. Профессора были обязаны вести самостоятельные курсы или заведовать одним из научно-учебных подразделений. Должность преподавателя предполагала ведение вспомогательных курсов или работу под руководством профессора. Научные сотрудники занимали низшую позицию в этой таблице о рангах: они помогали профессору и преподавателям или готовились к самостоятельной учебно-научной деятельности.

Если до конца 1922 г. дальневосточные вузы обладали правом самостоятельно комплектовать штатное расписание, то с введением в действие «Положения об управлении

вузами» число научных работников каждой категории стало определяться вышестоящими органами. Так, первым шагом советского государства в кадровой политике высшей школы Дальнего Востока было увольнение всех преподавателей, не явившихся в вузы после 25 октября 1922 г., как не принявших советской власти, и зачисление в штат тех, кто не уехал в эмиграцию [4. С. 6]. Обращает на себя внимание факт, что никто из дореволюционных профессоров не был на этом этапе разжалован советской властью.

К 1923 г. на Дальнем Востоке работало четыре вуза: университет, политехнический и педагогический институты во Владивостоке и Институт народного образования в Чите (с марта 1923 г. – университет). Для всех были характерны небольшой контингент студентов и недостаточное число преподавателей. К сентябрю 1923 г. все вузы были объединены в один – Государственный дальневосточный университет (ГДУ) с четырьмя факультетами: восточным, техническим, общественных наук и рабочим. В реорганизационную комиссию вошли по два преподавателя и два студента от каждого вуза.

Проводить в жизнь политику пролетаризации оказалось непросто. Набрать студентов только за счет классового набора не удалось: в 1923 г. вместо запланированных 700 человек в университет были зачислены 506. На незанятые места разрешили свободный прием, в том числе, впервые на Дальнем Востоке открыли доступ в вуз женщинам. Приморский обком ВКП(б) отмечал неудовлетворительный состав студентов: лишь 25% рабочих, преобладание непролетарских элементов, «не представляющих классовой ценности», оторванность студенчества от широких рабочих масс [5]. Не удалось сделать по-настоящему «рабочим» и рабфак, открытый при ГДУ осенью 1923 г. В первый год на нем учились 41,8% рабочих, 7,2% крестьян, 33,3% служащих, 17,7% остальных (не заполнивших анкеты) [9], что, по мнению партийного руководства, способствовало проникновению в студенческую среду чуждых влияний и настроений. Летом 1924 г. под предлогом переполнения аудиторий состоялась первая «чистка» студенческих рядов, целью которой было удалить из вузов социально чуждые элементы. Из ГДУ исключили по политическим мотивам четвертую часть всех студентов, что позволило к началу учебного года поднять уровень пролетаризации коллектива.

Под постоянным контролем партийных и советских органов находилось и комплектование научно-педагогических кадров, основным критерием которого была политическая благонадежность. Выводы о ней делались в зависимости от социального происхождения, принадлежности к партии, прежнего места работы. Более 75% профессорско-преподавательского состава ГДУ при желании можно было отнести к политически неблагонадежным лицам. Некоторые имели дворянское происхождение (Д.Н. Невский, Ю.В. Бранке, У.К. Вильдеман). Химик Ф.Ф. Юшкевич, инженер-механик Д.А. Мацкевич, математики А.П. Бекеев и Н.Н. Берлинский в Гражданскую войну служили в Белой армии. Технические должности в царской, а затем в Белой армиях занимали М.Я. Богатский и В.П. Бажанов. Почти все востоковеды побывали за границей, а некоторые (Н.В. Кюнер, Н.П. Овидиев, А.В. Рудаков) жили и работали в изучаемых странах по несколько лет.

Борьба с нежелательными лицами, как и в отношении студентов, принимала форму «чисток». В мае 1923 г. под предлогом антисоветских настроений из ГДУ были уволены более десяти человек, среди них профессора Н.И. Кохановский, работавший ранее в Восточном институте, и Ф.П. Успенский, приехавший во Владивосток из Казани. Справиться с дефицитом кадров помогло объединение вузов, сократившее штатную численность преподавателей на 26,5% [9. Л. 12]. Твердого расписания сначала не существовало, и научные работники не были закреплены за определенным факультетом, что давало возможность руководству рационально использовать научные силы. Дальревком установил новые правила оплаты труда, в частности, ввел дополнительную плату за перевыполнение объема учебных поручений, что способствовало закреплению преподавателей в вузе. Большая надежда возлагалась на выдвиженцев, которые появились в ГДУ вслед за другими вузами страны в 1926 г. Они отбирались из числа наиболее способных студентов последних курсов, имевших склонность к научной работе, и имели преимуще-

пественное право на зачисление в аспирантуру. Это позволяло регулировать социальный состав будущих преподавателей, так как в число выдвиженцев в первую очередь попадали коммунисты и комсомольцы.

Другим рычагом в руках партийного аппарата в проведении репрессивной политики в высшей школе стала Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО). Согласно уставу, утвержденному СНК СССР 13 февраля 1928 г., ее задачами было «изучать и разрабатывать вопросы развития производительных сил страны и планы хозяйственного и культурного строительства; содействовать подготовке начинающих работников науки и техники». Но уже тот факт, что ВАРНИТСО создавалась под контролем генерального прокурора А.Я. Вышинского, говорит о ее главной роли: давление на научную среду, внедрение большевистской идеологии, борьба с инакомыслием. Фразы «выявление вредителей», «решительная борьба с реакционными элементами в среде интеллигенции», «чуждая методология» встречаются во всех программных документах ВАРНИТСО [11]. Создание ассоциации означало очередной этап формирования режимопослушной интеллигенции, необходимой коммунистическому руководству.

Отдаленность Владивостока от центра несколько снижала воздействие партийных установок. Здесь еще сохранялись остатки профессорской корпоративности, свойственной дореволюционной высшей школе. Розни между «старыми профессорами» и выдвиженцами, наблюдавшейся в вузовских центрах и доходившей до травли старой профессуры, здесь не отмечено. Местное отделение ВАРНИТСО, созданное при ГДУ, куда вошли (были включены?) почти все преподаватели, постоянно критиковали за «недостаточное проявление революционной бдительности в отношении классового врага» и бездействие. Тем не менее, эта организация сыграла свою роль в репрессиях против профессорско-преподавательского состава, которые усилились в конце 1920-х гг.

«Шахтинское дело», первое обвинение специалистов в контрреволюционной деятельности, и выступление Сталина на апрельском (1928) пленуме ЦК ВКП(б) с тезисом об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму породили тенденцию подозревать всех во вредительстве. Во Владивостокском окружном отделе ОГПУ считали, что на работу в ГДУ принимают по личным связям, без учета политической благонадежности, поэтому потребовали согласовывать кандидатуры не только преподавателей, но и всех технических работников «в целях недопущения антисоветского элемента». Канцелярия ГДУ вела обширную переписку с органами ОГПУ: отвечала на запросы по поводу преподавателей, собирала отзывы о связях и деятельности в нерабочее время, готовила политические характеристики.

«...Далеко не лоялен по отношению к Советской власти, требует глубокого изучения и непрерывного наблюдения над ним», – писали, например, о математике А.П. Бекееве [7. Л. 4об]. Из характеристики Н.М. Васильченко: «Если сопоставить следующие обстоятельства: сотник, знание языков, усиленные занятия экскурсиями и туризмом, усиленная общественная работа, то возникает вопрос, не является ли В. разведчиком? Фактов пока нет, но человек этот внушает серьезные подозрения» [7. Л. 31]. Отмечая «наличие значительного кадра чуждой и несоветски настроенной профессуры», коммунисты ГДУ приняли решение добиться обеспечения вуза марксистско-выдержанным, достаточно квалифицированным профессорско-преподавательским составом [14]. Выполнить его можно было только путем «чисток» и репрессий.

В данный период не зафиксировано прямых обвинений преподавателей в контрреволюционной деятельности, и репрессии в основном носили одиночный и относительно мягкий характер. В 1931 г. за плохие результаты пролетаризации студенческого коллектива был снят с должности М.И. Чесноков, директор Дальрыбвтуза, созданного в 1930 г. наряду с другими вузами в ходе специализации высшего образования. Как «не имеющий поручений» отчислен из Дальневосточного политехнического института (ДВПИ) профессор по кафедре строительного искусства У.К. Вильдеман. В апреле того

же года арестовали другого инженера-строителя, доцента Б.А. Малиновского (из характеристики: «Читает лекции без всякой методики, ... совершенно выхолащивает марксистско-ленинское понимание об искусстве. Считаю, из института надо убрать» [7. Л. 13]), но дело вскоре прекратили за недоказанностью обвинения.

Один из первых массовых арестов дальневосточных ученых, обвиненных «в контрреволюционной деятельности, направленной к подрыву развития социалистического хозяйства Дальневосточного края», произошел 1 апреля 1934 г. Если директора Дальневосточного лесотехнического института В.Ф. Овсянникова вскоре освободили, то дело профессора ДВПИ геолога А.И. Козлова дважды отправлялось на доследование и было прекращено лишь спустя два года. Все чаще обвинения заканчивались суровым приговором. Арестованный за «вредительство» профессор Б.П. Пентегов (март 1933) был приговорен к десяти годам заключения, а директора Краевого педагогического института иностранных языков П.Ф. Ливина осудили на пять лет исправительно-трудовых лагерей (август 1935).

Наибольший урон репрессии нанесли высшей школе Дальнего Востока в 1937–1938 гг., причем, арестам в основном по-прежнему подверглись наиболее опытные научные работники (профессоры и доценты). К высшей мере наказания были приговорены директор ДВПИ В.Л. Абрамович, его заместитель И.Н. Тимофеев, декан горного факультета И.Г. Жуков, профессора М.А. Павлов, В.П. Бажанов, доценты А.И. Булгаков, Д.А. Мацкевич и др. Декана лесотехнического факультета К.П. Соловьева сняли с работы как скрывшего службу в Белой армии. На три года лагерей осудили заведующего кафедрой математики А.П. Бекеева. После требования покинуть Дальний Восток были вынуждены уволиться «по собственному желанию» доценты М.Я. Богатский, В.С. Соколов и Б.Н. Роголь. Был исключен из кандидатов партии «за связь с вредителем и врагом народа» Г.К. Татур (из характеристики: «неоднократно ставил вопрос об отчислении парттысячников, которым вследствие их плохой подготовки тяжело давалась учеба» [7. Л. 44]). В Дальневосточном государственном университете больше других от репрессий пострадал восточный факультет. Востоковедов обвиняли в шпионаже и связях с «японскими резидентами», переводе на русский язык книг по истории Японии, приглашении на работу преподавателей-японцев [10].

Под пристальным вниманием и постоянным контролем партийных органов оставался и социальный состав студентов. Решения июльского (1928) и ноябрьского (1929) партийных пленумов нацеливали на дальнейшую пролетаризацию студенчества, в связи с чем были вновь ужесточены условия приема в вузы в соответствии с классовым принципом. С 1928 г. на Дальнем Востоке, как и по всей стране, провели мобилизацию на учебу коммунистов и профсоюзных активистов – «парттысячников» и «профтысячников». В ходе чистки комсомольских ячеек ГДУ в 1928–1929 гг. из комсомола исключили 24,6% лиц, подвергнувшихся проверке (76 человек). Такая высокая «засоренность социально-чуждым элементом» давала основания сделать вывод, что студенческий состав университета далек от пролетарского идеала, «из числа исключенных из комсомола 75% следует исключить и из вуза», а чистку продолжить «под углом решительного отреза социально-чуждого элемента», исключив всех студентов, скрывших социальное происхождение, и лишенцев [6].

В результате к началу 1929/30 учебного года доля выходцев из рабочих и крестьян выросла до 53%, но плановые показатели оставались невыполненными. Считая положение с пролетаризацией «угрожающим», партийное руководство ГДУ выдвинуло в октябре 1929 г. новые задачи: «начать кампанию по вовлечению в вуз рабочих, рабочих и детей рабочих и крестьян; ... немедленно приступить к организации вечерних факультетов во Владивостоке, Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Благовещенске, Чите; организовать курсы по подготовке в вузы с охватом не менее 200 человек ...» [14]. В срочном порядке на крупных предприятиях были организованы курсы для подготовки к поступлению в вуз рабочих, не имевших среднего образования, сформированы группы

рабочих для получения высшего образования в вечернее время. Это позволило техническому факультету к 1930 г. поднять число студентов рабоче-крестьянского происхождения до 73%. Параллельно ужесточились принципы выдвижения студентов для дальнейшей научной работы: с 1929 г. отбор кандидатов в аспирантуру стали осуществлять партийные, комсомольские и общественные организации. Местные партийные органы получили директиву: иметь среди «выдвиженцев» не менее 60% членов партии.

Результатом борьбы с «выходцами из чуждой среды» за «очищение института от чужеродных и сомнительных элементов» стала острейшая кадровая проблема. Только ДВПИ в 1937–1938 гг. лишился около 60 преподавателей, на ряде кафедр остались один – два человека [8]. Газета писала: «Даже на третьем курсе нет специальных дисциплин, и расписание заполняется чем попало, лишь бы студенты не болтались без дела» [1]. Как показали реабилитационные дела 1950-х гг., обвинения, выдвинутые в 1920-е – 1930-х гг., были лишены всяких оснований, но массовые аресты и расстрелы педагогов и ученых привели в 1939 г. к закрытию Дальневосточного государственного университета и Дальневосточного филиала Академии наук СССР.

1. Брук. Слово химфаку ДВПИ // Красное знамя. – Владивосток. – 1931. – 16 ноября.
2. Бюллетень Дальревкома. – Хабаровск. – 1923. – №7 (5 янв.).
3. Вестник Временного правительства Дальнего Востока – Приморской Земской Управы. – Владивосток. – 1920. – №18 (22 апр.).
4. Вестник Приморского ГУБОНО. – Владивосток. – 1922. – №15 (15 дек.).
5. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. 52. – Оп. 1. – Д. 12.
6. ГАПК. – Ф. 52. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 65.
7. ГАПК. – Ф. 52. – Оп. 9. – Д. 4.
8. ГАПК. – Ф. 24-с/52. – Оп. 8. – Д. 23. – Л. 4.
9. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А-1565. – Оп. 2. – Д. 209.
10. Ермакова, Э.В. Восточный факультет в 20–30 годы / Э.В. Ермакова, Е.А. Георгиевская // Изв. Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. – 1994. – №1. – С. 52–63.
11. Инструктивное письмо центрального бюро ВАРНИТСО республиканским обществам, областным и районным отделениям общества // Государственный архив Российской экономики. – Ф. 4394. – Оп. 1. – Д. 211. – Л. 36.
12. О рабфаках // Народное просвещение. – 1919. – №56–58. – С. 11.
13. Покровский, М.Н. Реформа высшей школы / М.Н. Покровский // Избр. произведения: в 4 кн. – М., 1967. Кн. 4.
14. Протокол заседания партбюро ГДУ от 28 окт. 1929 г. // ГАПК. – Ф. 52. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 28–29.
15. Турубинер, А. Студенческое представительство / А. Турубинер // Высшая школа. – 1919. – №2. – С. 36–37.
16. Шведов, М.И. Высшая школа РСФСР в период с 1921 по 1925 гг. / М.И. Шведов. – М., 1994.